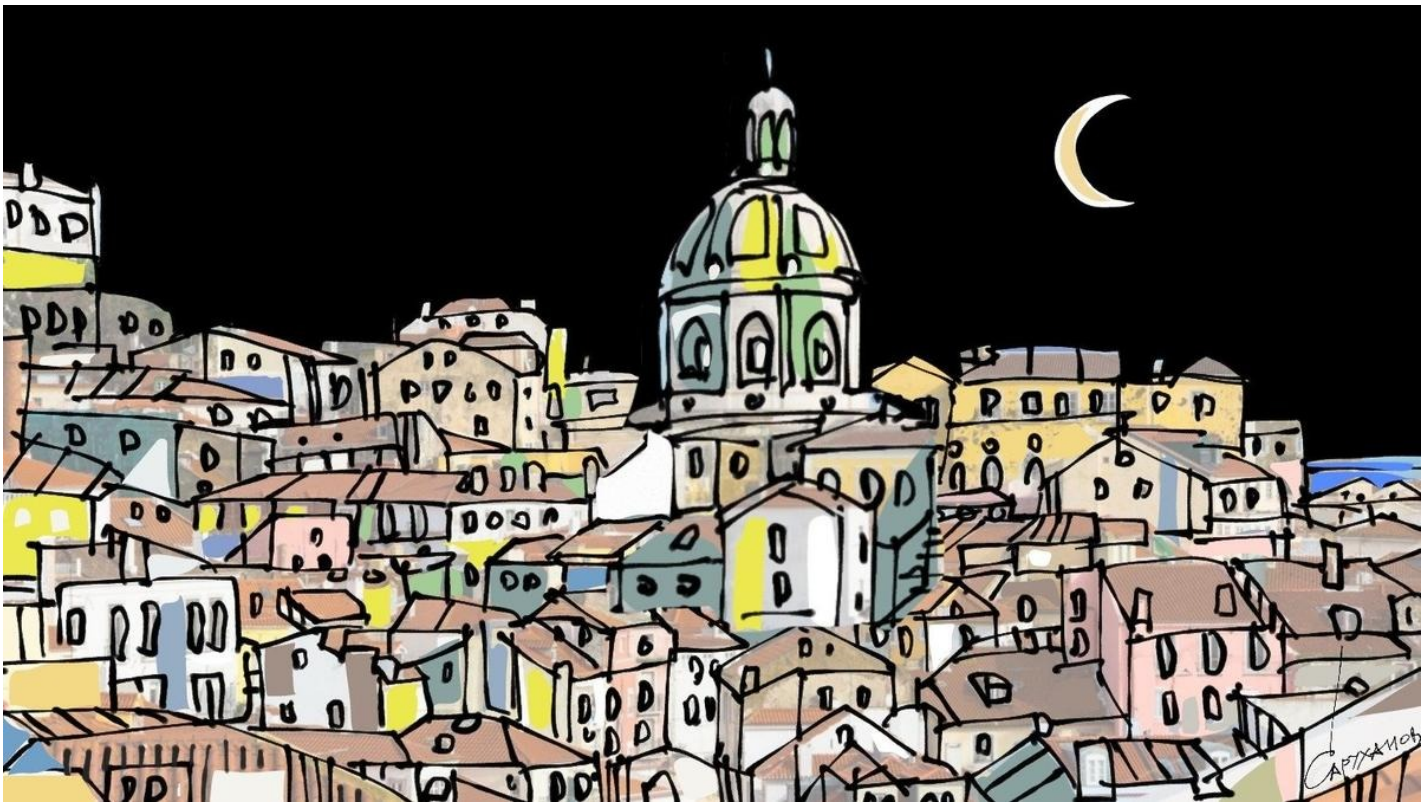
НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ОБЩЕСТВО

Ритуалы релокантов

«Русский мир» в Лиссабоне: личный опыт жизни рядом, но не вместе



Петр Саруханов / «Новая газета»

13:41, 31 октября 2026,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать по этой ссылке или отсканировав QR-код ⟶

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЕ «НОВАЯ ГАЗЕТА»

Здесь нет общего способа говорить о прошлом, не задевая настоящее. Нам слишком легко обобщать. Гораздо труднее выдерживать сложность. Наверное, именно такие сцены лучше всего объясняют, как этот город функционирует на пограничье миров, разошедшихся в оценках происходящего. Достаточно умения быть вежливым, следовать ритуалу, не задавать лишних вопросов. Политика в таких местах не исчезает, а просто уходит на второй план, уступая место разговору о скидке, дате рождения и пластиковому пакету, в который аккуратно складывают покупки. Старые ритуалы продолжают работать, но наполняются новым содержанием.

В аэропорту Лиссабона меня встречал человек из прошлой жизни. Мы из одного города, но не виделись по меньшей мере лет пять. Он давно уехал из России и на год раньше меня перебрался в Португалию из Венгрии, где окончил магистратуру. Отчасти его пример подтолкнул меня поступить в аспирантуру в Европе.

Он ждал меня в аэропорту. В толпе встречающих мы нашлись не сразу. В его взгляде было что-то двойственное, больше напряжения, чем радушия. Обняться он решился не сразу, как

будто переборов мимолетную неуверенность.

По приезде мне предстояло найти съемную комнату. На время поисков он приютил меня у себя, в старом, но уютном доме в центре Лиссабона. В квартире скрипели лакированные деревянные полы, над головой белел оштукатуренный потолок, а в интерьере сохранилось что-то от шестидесятых. Такие дома мой приятель называл «салазаровками»: добротные, с просторными планировками, они и правда напоминали советские сталинки.

Хватит!

Мой приезд в Лиссабон пришелся на октябрь 2024 года — спустя несколько месяцев после парламентских выборов и в момент короткого, почти мимолетного всплеска активности русской либеральной эмиграции. В первые дни по прибытии меня встречали коллеги-политологи из местного института.

Из разговоров с ними выяснилось: симпатии к правым популистам из партии Chega («Хватит!») и ее лидеру Андре Вентуре растут даже в Лиссабоне. Одобрений в их адрес от людей с академическим бэкграундом закономерно не последовало. Однако идея, что жить стало ощутимо сложнее, задавала тон разговора от начала и до конца. Цены взлетели, аренда в столице недоступна даже местным, а в некоторых районах ловишь себя на ощущении, что оказался в гостях, а не дома. Позже оказалось, что этот мотив был лишь одним из десятка почти одинаковых, что мне довелось услышать.

Лидер партии Chega Андре Вентура. Фото: Википедия

Когда беседа зашла об итогах прошедших выборов, я упомянул, что в них впервые участвовал единственный кандидат российского происхождения: бывший член команды Навального* Павел Елизаров. На тот момент он успел получить португальский паспорт и выдвинулся от партии *Iniciativa Liberal* («Либеральная инициатива»).

> Этот разговор я затеял, видимо, зря. В ответе звучало что-то среднее между недоумением и обидой: «Странно, уже и мигрантов выдвигают в парламент вместо португальцев».

Елизаров тогда проиграл: его партия получила лишь восемь мандатов, и этого оказалось слишком мало для его прохождения в местную ассамблею. На момент той беседы Елизаров продвигал законопроект «Либеральной инициативы» о выдаче гуманитарных виз. Суть в том, чтобы предоставить

преследуемым по политическим мотивам возможность получать спецвизы Португалии, чтобы по приезде они могли податься на убежище. Уже через год на волне беспрецедентного успеха Chega депутаты нового парламентского созыва проголосовали лишь за ужесточение правил получения гражданства, увеличив срок проживания для мигрантов с пяти лет сразу до десяти. С тех пор о Елизарове стало мало что слышно.

Поиски

В квартире приятеля гостила подруга его компаньонки по аренде — девушка из Восточной Украины, давно перебравшаяся в Будапешт. Атмосфера была дружелюбной, но едва заметная натянутость всё же висела в воздухе. *** мы старательно обходили стороной. Будто без слов понимали, что любая фраза на эту тему превратит разговор из непринужденного в тяжелый.

Поиск жилья затянулся. В одной квартире лендлорду явно не понравился мой бордовый паспорт. В другой хозяйка дала понять, что не сможет оформить договор аренды по фактическому адресу квартиры. Синьора уговорила посмотреть еще одну, где всё было в порядке с документами.

По пути эта женщина рассказывала, как работала когда-то в португальском МИДе и не раз видела на официальных встречах Путина.

> Она не сводила с меня глаз. На ее лице как будто читался непроговоренный вопрос: что, если и я — тайный поклонник героя ее рассказа.

Почти не меняя интонации, она перешла от воспоминаний о тех официальных встречах к разговору о людях, «выпадающих из окон» то тут, то там. «Вы, русские, многого не знаете», — подытожила дама, продолжив внимательно изучать мою реакцию. К концу разговора хозяйка, казалось, заметно ко мне оттаяла. Однако до договора дело так и не дошло.

Не в те двери

Я остался у приятеля надолго. Он приглашал меня в свой круг выпускников венгерской магистратуры, русских, давно живущих в Европе. Чуть ли не каждый разговор с ними о том, чем я занимаюсь, заканчивался почти одинаково. Услышав, что я собираюсь заканчивать португальскую аспирантуру, собеседники почти сразу начинали объяснять, почему сами отказались от академической карьеры после магистратуры.

Дело, по их словам, было не в утрате интереса, а в нежелании годами жить в неопределенности. В итоге диалоги сводились к подробностям их работы в международных компаниях, которыми они делились с плохо скрываемой гордостью.

Это была сложившаяся компания. Я решил, что включен, но вскоре стало понятно, что ошибался. Постепенно приглашения прекратились, а объяснений не последовало.

Синематека

Постепенно стало ясно, что круг общения пора искать заново. В местных телеграм-чатах регулярно появлялись приглашения на мафию, квизы, стендапы в баре «Спутник», встречи паддлистов, скалолазов, серфингистов и хайкеров, киноклубы, хоры и театральные кружки.

Негласное правило этих комьюнити:

> старательно избегать политики. Не расспрашивать в лоб «откуда сам», почему уехал «оттуда» и зачем приехал «сюда». Новости тоже лучше обходить стороной, если только речь не об открытии нового бара, выставки или очередном хайке.

В один из будних лиссабонских вечеров мне захотелось в очередной раз сходить в киноклуб. Его организовала пара молодых людей из Питера. Всё было устроено просто и по-домашнему: проектор, стулья, вино, закуски, чай с печеньками и разговоры вполголоса. Показывали порядком подзабытую комедию из нулевых *«Евротур»*. Национальные стереотипы выглядели почти беззлобными: английские фанаты с манерами гопников, посылающие французов-«лягушатников», карикатурная немецкая семья с ребенком с нарисованными гитлеровскими усиками, марширующим с нацистским приветствием.

Кадр из комедии «Евротур»

Когда-то фильм казался просто шумной комедией о беззаботном путешествии по Европе. Теперь же картина вызывала скорее жгучее чувство ностальгии.

> За ее грубоватыми шутками проступала совсем другая эпоха, когда открытые границы и отсутствие большой *** воспринимались как естественный порядок вещей.

Кто-то из участников обсуждения заметил, что теперь такой юмор точно не покажут, а тогда это было запросто, ведь «не было повесточки», под которой подразумевалась новая этика. Я возразил, что дело, возможно, не только в этом, ведь прежде на пороге Европы не пахло военными действиями, а «повесточкой» была скорее интеграция с безвизом.

Мой сосед справа тихо, почти незаметно пробормотал что-то с явным неодобрением. Не в мой адрес, а скорее в сторону тех, кто пытался отделить фильм от сегодняшнего контекста, будто *** не влияет на то, как мы смеемся и что считаем допустимым.

Разговор не обострился, но стал как будто осторожнее. Мы сидели в одной комнате, говорили на одном языке, смотрели ровно одно и то же, но было ясно, что даже здесь нет общего способа говорить о прошлом, не задевая настоящее.

Библиотека

Спустя неделю по дороге в магазин мой взгляд зацепился за витрину книжного. На ней стоял увесистый том с черной обложкой, посреди которой объятые кольцами пламени друг за другом следовали портреты Путина, Дугина, Зеленского и президентов США. Книгу я купил почти рефлекторно, скорее из любопытства, чем профессионального интереса.

Автор оказался португальцем, называющим себя одним из основателей Chega, позже изгнанным из партии. Чем дальше я продирался сквозь толщи португальского текста, щедро сдобренного документами и выдержками из текстов Дугина, тем более узнаваемым становился месседж «не всё так однозначно», с апелляциями к «реализму», столкновению цивилизаций и многочисленными отсылками к подобного рода идеям. Как оказалось, то же самое издательство выпустило книгу и самого пророка апокалипсиса под названием «Революция Дональда Трампа».

Впрочем, уже через несколько месяцев та же витрина выглядела радикально иначе. Под стеклом ровными рядами стояли фолианты с портретами Алексея Навального. И вновь на португальском. Маятник будто резко качнулся в обратную сторону.

Телега

Но это было лишь первое впечатление. Стоило открыть местные русскоязычные телеграм-каналы, и становилось ясно, что маятник исправно продолжает ход.

Выход книги Навального, равно как и визит Юлии Навальной в Лиссабон, встреченный не особенно радушно украинскими протестующими, не остался незамеченным в местном российском телеграм-сообществе. Один из таких каналов не скупился на едкие комментарии. В нем сторонников либералов и местных активистов от либеральной оппозиции без стеснения окрестили «пиявочными борцухами» и «забавными гномами».

Сочувствие Украине и помощь ей со стороны Португалии клеймились как лицемерие, позиция российского посольства, возмущенного срывом шествия «Бессмертного полка» по Лиссабону, оценивалась как здравый смысл. Авторы легко иронизировали над «культурным обогащением», обсуждая преступления, совершенные в Лиссабоне небелыми мигрантами. Они же едко высмеивали португальскую толерантность и не слишком скрывали симпатии к Chega.

> Открыто своих взглядов никто не афиширует. Зато в комментариях под постами в выражениях не стесняются. Там португальцы превращаются в «недотеп», не способных защититься от мигрантов, а местные «навальнята» — в постоянный объект насмешек.

Пропустить в этом канале не смогли и нашумевший случай, когда в Лиссабоне пропал релокант, который помогал вновь прибывшим с оформлением ВНЖ. Ни приметы пропавшего, ни обстоятельства его исчезновения их явно не интересовали. Разговор шел исключительно о сексуальной ориентации пропавшего.

Пока в одних телеграм-чатах участники обменивались координатами прочесанных районов, в этом глумились над «помогаторами», что привозят в Португалию «нахлебников», гномов-либеров и исчезают с чужими деньгами, не попрощавшись. Несмотря на поиски волонтеров и участие португальской полиции, найти пропавшего так и не удалось.

Фото: emigrants.life

Магазин

Однажды по дороге из института решил заскочить в один из так

называемых «русских» магазинов в Лиссабоне. Сюда приходят за привычным вкусом. Всегда есть армянский лаваш, украинское сало, гречка, непременный зефир, баранки, сушки и, конечно, пиво с вяленой воблой. В этом пространстве не задавали вопросов о происхождении и не уточняли биографий ни продавцы у покупателей, ни покупатели друг у друга.

Присмотревшись, начинаешь замечать детали: на стенах — объявления, написанные от руки на украинском, на полках — в основном товары украинского и германского производства.

> Продавцы здесь мгновенно и парадоксально безошибочно переключались с украинского на русский и обратно, едва завидев, как посетитель закрывает входную дверь и направляется в сторону рядов с полками. Они же легко переходили на португальский, когда в магазин захаживали местные или мигранты из Бразилии.

У кассы передо мной стояла женщина, и мое присутствие она будто не замечала. Дама говорила с продавщицей уверенно и фамильярно, на русском. Она явно находилась в привычном, давно освоенном месте. Разговор шел об отмене спецскидок. Женщина, как следовало из этого диалога, была родственницей одного из сотрудников российского посольства. Она хотела воспользоваться бонусами, которые, по ее словам, полагались всем посольским в этом магазине.

Однако теперь, как мягко объяснила продавщица, скидки отменили. Женщина тут же сместила акцент. Если уж не как жене сотрудника российского посольства, то хотя бы как

постоянной покупательнице для нее, как она выразилась, следовало бы сделать исключение. Она подчеркивала, что регулярно берет здесь много товара. Это было заметно и без слов — корзина была до краев полной.

Продавщица оставалась исключительно вежливой. В ее интонации не было ни раздражения, ни холода. Она выслушала всё, улыбнулась и в какой-то момент нашла компромисс: чтобы уважить вип-клиентку, провела скидку по обычной скидочной карте, оформив ее как приуроченную ко дню рождения покупательницы. Жест был почти ритуальным — таким, что позволяет сохранить лицо всем участникам неловкой ситуации.

Наверное, именно такие сцены лучше всего объясняют, как этот город функционирует на пограничье миров, разошедшихся в оценках происходящего. Достаточно умения быть вежливым, следовать ритуалу, не задавать лишних вопросов.

> Политика в таких местах не исчезает, а просто уходит на второй план, уступая место разговору о скидке, дате рождения и пластиковому пакету, в который аккуратно складывают покупки.

Река

Летом в Сетубале случился инцидент, не имевший шансов остаться незамеченным. Моряки с российского судна, прибывшего из Бразилии, зашли в ресторан в футболках с надписью «Пришло время России». За соседним столиком оказались и украинцы. Разгоревшийся конфликт перерос в потасовку. Видео и новости о ней разошлись по всем

португальским медиа.

Этот эпизод долго не выходил из головы. Спустя пару недель почти ночью на набережной Тежу меня с приятелем окликнули двое из темноты. Это были явно не айтишники и не релоканты. Грубый и скорее дворово-пацанский голос почти исключал эти варианты. Двое вынырнувших из темноты представились моряками с российского судна, приплывшего из Ирландии.

Один из них был украинцем из Крыма с российским паспортом. Второй — азербайджанцем из Баку. Расспросив о местных ценах на жилье и о том, как живется в Лиссабоне, крымчанин смягчил тон, сказал фразу, которая врезалась в память:

> «Я и сам не знаю, кто я сейчас — украинец или россиянин». Он говорил это без пафоса, скорее устало. «В море проще. Там не нужно каждый день определяться».

Этот ночной разговор на набережной заставил тогда задуматься. В истории из телевизора — демонстративные лозунги и показуха. В моей личной — растерянность и неопределенность. И этот разрыв показался мне важным. Нам слишком легко обобщать. Гораздо труднее выдерживать сложность.

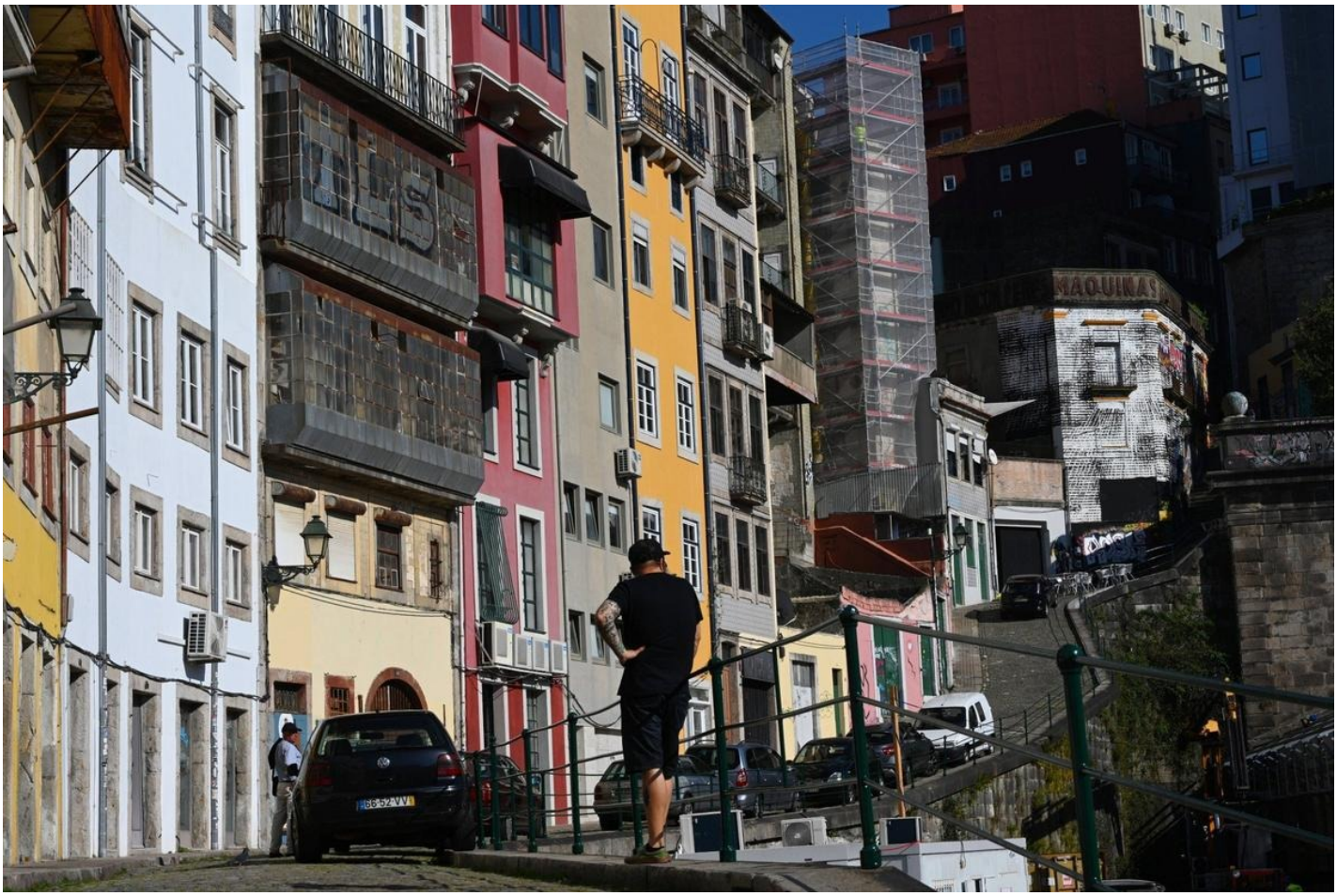


Фото: East News / Zed Jameson / SIPA

С Новым годом

Иногда сочетание традиции и новизны проявляется в самых неожиданных коктейлях. В канун Нового года я оказался в компании, которую созвали новые знакомые — две лесбиянки (ЛГБТ в РФ признано экстремистской организацией) из России. Новый год сложился сам собой — из людей, многие из которых видели друг друга впервые и не были объединены ничем, кроме совпадения времени, места и общего нежелания оставаться в эту ночь в одиночестве.

К полуночи разговоры постепенно начали сводиться к вопросу, как именно встречать Новый год. Почти без обсуждения все сошлись на том, что нужно открыть советское шампанское. То самое, купленное в русском магазине с украинскими товарами, где как-то у кассы спорила дама из семьи сотрудников посольства. И обязательно — под бой курантов. Не потому, что кто-то настаивал на «традициях», а словно по инерции, как на

чем-то само собой разумеющемся.

Бой курантов, впрочем, шел в комплекте с обязательным предисловием — новогодним обращением Путина. Его слушать явно хотели не все. Пока он говорил, по комнате летели проклятия, кто-то демонстративно отворачивался, кто-то закатывал глаза.

> Но в итоге, ради самих курантов, обращение всё же дослушали — с раздражением, сквозь смех, сквозь комментарии, но не выключая. Казалось, что этот фрагмент ритуала терпят не из уважения, а из нежелания нарушить последовательность событий.

В качестве компенсации, уже после тоста, по настоянию одной из девушек включили новогоднее обращение Екатерины Шульман**. Идея понравилась не всем. Кому-то речь показалась слишком мрачной, кому-то — затянутой и не к столу. Ситуация, когда в одной и той же квартире, в одну и ту же полночь подряд прозвучали Путин и Шульман, выглядела сюрреалистической, как коллаж из несовместимых слоев реальности.

Этот микс не был ни иронией, ни осознанным перформансом. Скорее, он отражал то, как устроена жизнь после разлома: старые ритуалы продолжают работать, но наполняются новым содержанием. Советское шампанское, куранты, президентское обращение, независимый политолог, компания, мало напоминавшая привычное новогоднее застолье, — всё это спокойно уживалось в одном вечере, не складываясь в гармонию, но и не распадаясь окончательно.

Позже я подумал, что этот Новый год был устроен по тем же

правилам, что и весь остальной город. Ничего не отменено до конца, ничего не принято полностью. И старое, и новое продолжают уживаться — в чужих квартирах, в наспех сколоченных компаниях, оставляя ощущение, что иначе, возможно, пока просто не получается.

Дмитрий Холмогоров, политолог, Лиссабон

* Признана экстремистскими сообществом, деятельность в РФ зпрещена.

** Признана Минюстом РФ «иноагентом».